

Близится конец сегодняшнего консультативного дня. Мысленно строю планы дальнейшего времяпрепровождения, сиречь отдыха. Скорее всего, засяду напротив экрана телевизора и посмотрю юбилейный концерт уже покойного Владимира Высоцкого. Вчера был анонс. Не пропущу. «Поэты ходят пятками по лезвию ножа и режут в кровь свои босые души». Где он только брал свои метафоры? Поэзия иррациональна, но каким-то непостижимым образом задевает наш мозг — предельно рационально устроенную структуру, заставляя отвечать на необычное сочетание слов. Получать удовольствие, которое не что иное, как выброс эндорфинов — морфиноподобных веществ. Ну а если ещё эти слова и спеты, то возникает резонанс, увеличивающий в разы удовольствие, которое можно выразить просторечием: кайф, — и он перейдёт в радость и — как вершина всей биохимии — в экстаз.

Мои размышления на тему дуализма удовольствий, объяснимого и необъяснимого, прерываются постукиванием в дверь. В кабинет входит очередной и последний на сегодняшний день пациент. В его движениях видны

---

* Гемиянопсия — выпадение половин поля зрения.

насторожённость и осторожность, когда человек боится наткнуться на предметы в незнакомом пространстве. Я знаю, что автоматически, на уровне профессионального подсознания, отмечаю все движения вошедшего, имеющие отношение к зрительным функциям — остроте зрения, полю зрения. Его сопровождает женщина, явно супруга. Осторожно придерживает под локоть.

Он произносит традиционное приветствие, немного опережая меня. В результате мы говорим почти одновременно.

— Здравствуйте, доктор, — и продолжает с улыбкой: — Вы меня не помните, конечно. Года два назад я приводил к вам сына. У него всё нормально.

— Вы садитесь, — указываю на стул напротив и чуть левее меня.

Спутнице указываю на другой.

Я, конечно, его не помню. Запоминание приходит после пятого-восьмого визита или если пациент был с чем-то необычно редким, с диагнозом, встречающимся один на десять тысяч случаев, и тогда это почти фотографически отображается в памяти. Так, к примеру, синдром Барде — Муна — Бидля «живъём» можно не увидеть ни разу за свою профессиональную жизнь, разве что на картинке в атласе.

— Рассказывайте, Абид Яхьяевич: что вас привело ко мне, что беспокоит? — спрашиваю я как можно участливей.

Его имя отчество у меня на столе в списке сегодняшних посетителей.

— Невролог направил посмотреть глазное дно, уточнить, что происходит со зрительным нервом, — подаёт мне несколько листов.

Читаю описание компьютерной томографии: «Опухоль (новообразование) гипофиза с прорастанием в основную пазуху, с частичным разрушением турецкого седла».

Для подтверждения абсолютной клинической картины необходимы два действия — осмотр глазного дна и исследование поля зрения.

Если опустить детали процесса исследования, то в сухом остатке — нисходящая атрофия зрительных нервов, его внутренних половин.

Поля зрения с височной стороны выпали! Это классическая картина битемпоральной гемианопсии. В переводе на общегражданский язык — отсутствие полей зрения с височных его половин в результате разрушения зоны перекрёста зрительных нервов.

У моего пациента возникли идеальные шоры. При детализации жалоб выяснилось, что последние полгода перестал вписываться в проём дверей, стал задевать мебель так, что сносил её, что неудивительно при богатырском сложении как у борца-пехлевана, коим и был когда-то мой пациент.

Его жена первой заметила странности у мужа и настояла на посещении врача. «Геми...» переводится как «половина». Его жена, его естественная половинка, почувствовала изменения в другой половинке и отреагировала. Их ауры так близки, что оберто́на звучания их жизнью воспринимаются ими как единое целое.

Как врач, я стал лишь статистом в этой драме. Констатировал факт разрушения хиазмы, или перекрёста, где волокна нервов, идущие от сетчатки к коре головного мозга, обмениваются половинами как раз впереди турецкого седла, в ложе которого восседает гипофиз, который вдруг начал расти вперёд, превратившись в аденому. Выйдя за пределы спинки седла, опухоль легко раздавила ткань зрительных нервов, всего-то толщиной в три миллиметра.

— Абид Яхьяевич, вам известно, что происходит в вашей черепной коробке, в мозге? — спрашиваю я, старательно выговаривая имя-отчество и следя за мимикой его лица.

— Да, — как-то вяло, без движения мимических мышц, ответил он. — Нейрохирург сказал, что опухоль можно удалить через нос.

— Да-да, через нос возможно, — подтверждаю эхом я. — Это действительно так. Можно, конечно, вскрыть череп, но это очень травматично для мозга.

— Доктор сказал, что это небезнадёжно.

В этот момент на его лице появились первые эмоциональные проблески в виде едва заметной улыбки самыми кончиками уголков рта.

— Поедем в Москву, наверное.

— Всё будет хорошо, — подтверждаю я его желание.

— Гамма-нож не поможет если, химию попробуют или прооперируют всё же.

Осведомлённость пациента не вызвала сомнения. Ну, это и лучшему. Коротко прикидываю ситуацию на себя. Я, пожалуй, предпочёл бы тоже всё знать. Без вариантов.

— А поле зрения восстановится? — явно ожидая утвердительный ответ, задаёт очередной вопрос.

— Возможно, возможно, — делаю короткую паузу. — Частично, — подбадриваю я, давая половинчатый ответ.

Его жена не проронила ни одного слова за всё время нашего диалога, лишь внимательно слушала и наблюдала. Эмоций на её лице мне прочесть не удалось. Полная непрозрачность. Выдержка, однако, железная. Но что у неё происходило в душе? Тайна.

Я, закончив писать заключение, отдаю документ ей. Она едва слышно благодарит. Аккуратно кладёт исписанный лист в заранее подготовленную папку.

— Ну, всё, — проговариваю я, — я всё написал для вашего нейрохирурга.

Тяжело встав, Абид подождал, пока жена возьмёт его под локоть, и они тихо вышли из кабинета.

Я остался в кабинете наедине со своими мыслями. «Он уже зависим. Его воля частично отдана ей. Она взяла часть груза на себя, и этот груз не раздавит его. Вот уж воистину — и в счастье, и в горе... Возможно, его депрессия уменьшится или исчезнет, но мысль об опухоли в мозге останется», — подумалось мне.

Минор под занавес рабочего дня. А были другие? Не припомню что-то.